

Часть первая ШПИОНСКИЕ ВОЙНЫ

Глава 1

ГНЕВ НАЧАЛЬСТВЕННЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ

— Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Шире шаг! Носочек тянем, рядовой Федотов!

Вот уже третий час егеря особой команды разбрызгивали сапогами грязную и густую кашу на небольшой площади Бухареста.

— Лютует его благородий, хуже, чем в гренадёрском батальоне гоняет своих солдат этой шагистикой, — ворчал худощавый жилистый рядовой, прибывший к егерям с пополнением из охотников-пехотинцев.

— Разговорчики! Ты, Тарас, только что из полковой мушкетёрской роты к нам пришёл, а окромя балаболства ну никакого толку с тебя нет, даже вон строем ходишь, словно бы снулая утка! — поддел новичка подпоручик Егоров.

— Ещё раз я что-нибудь в строевой шеренге сегодня услышу, пойдёшь вон к нашему

амениннику в напарники, а то ему там, поди, скучно одному!

— Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Ать-два! Ать-два! Левой, левой!

И три десятка егерей, сопя и ругаясь про себя, опять зашлёпали по периметру импровизированного плаца. В центре же его стоял навытяжку сам «аменинник» всего сегодняшнего действия — Фёдор Лужин собственной персоной, или, как его все звали между собой в команде — Цыган. Два старших унтера, Макарыч с Карпычем, стояли подле него по бокам и строго следили, чтобы нога солдата с вытянутым носком держала бы ровную параллель и не опускалась бы книзу раньше положенного времени. Но, как видно, сил у Федыки было уже совсем мало, и он, негромко поскуливая, всё время срывал её вниз.

— Подними копыто своё, дурачина! Хватит уже здесь лоботрясничать-то на людях! — зло буркнул один из унтеров-контролёров. — Из-за тебя, Федыка, вся эта срамота тут нонче творится, так что и неча тебе здесь вот отлынивать, да ещё и скоморошничать перед нами.

— Всё равно никого не разжалобишь, колотобродина! — добавил второй унтер.

И Цыган опять с самым несчастным видом начал задира́ть свою ногу, обутую в короткий егерский сапог.

Сверху пошёл холодный мелкий дождь, серые шинели на солдатах быстро намокли и начали давить усталых хозяев своей тяжестью. Умались сегодня все изрядно. Издалека, со стороны

главного штаба раздались наконец-то сигнал горна и барабанный бой, который с небольшой паузой подхватили затем в разных концах города. Подразделения расквартированной в Бухаресте Первой дунайской армии генерал-фельдмаршала Румянцева готовились к принятию пищи. Артельные кашевары с этой самой секунды имели полное право выставлять солдатские котлы для обеда или же выдавать сухарный и какой-либо другой провиантский порцион своему личному составу.

Наконец командир закончил счет, хмуро оглядел замерший на месте строй и махнул рукой Гусеву:

— Фурьер, всё, закончили на сегодня. Отбей сигнал «к трапезе». Команда идёт на квартиры!

— Жуй, жуй, шельма, — ворчал на осунувшего от усталости и недосыпа Цыгана унтер Карпыч. — Тебе ещё две ночи свой самый дрянной караул нести. По себе знаю, как глазам перед зарёй худо, бывало, как сморгнёшь, а в них словно бы песком сыпануло. Закрывать их хочется, а ты не моги, иначе тут же сон сморит. Да и поделом тебе такое, Федька, это ещё мягко Ляксея Петрович тебя наказал, другой бы али выпорол вусмерть свово солдата, али бы его в арестантскую роту отдал, вот ведь где настоящие муки служивые принимают.

Прощтрафившийся поперхнулся и, прокашлявшись, махнул рукой:

— Да знаю я, дядь Вань, сам во всём виноват, чё уж тут говорить! Мне вот перед

обществом теперяча стыдно. Сколько же робята теперяча страдают из-за меня зазря. И надо же было так попасться, словно какой рекрут новобранец я влип, — и от неприятных воспоминаний смуглое лицо Цыгана сморщилось, словно от зубной боли.

— Ну вот ты не скажи, что зазря, — возразил ему тот пожилой унтер, что сидел на широкой лавке у печки и степенно черпал своей деревянной ложкой густое варево из большой глиняной плошки. — Зазря али попусту в этом мире ничего, братец, не бывает. Вот поглядят на тебя молодые солдатики, помаются хорошо сами, прочувствуется у них через ножки да через хребет вся тяжесть чужой провинности, и вдругорядь они сами же на такую-то дурь не пойдут. Правильно всё их благородие делает, распоясались ужо у нас все без дела, разоспались на постое в эту непогоду, оттого-то вот и потянуло на озорство.

Ответить на слова Макарыча Федьке было нечего, и он молча уткнулся в миску, доскабливая её дно.

Командир особой егерской команды подпоручик Егоров стоял в это самое время по стойке смирно перед старшим картографом Первой дунайской армии, а по факту главным разведчиком на всём этом театре военных действий, полковником бароном фон Оффенбергом. Стоял и своими круглыми пустыми глазами глядел молча поверх головы этого штаб-офицера на закопчённый потолок комнаты. Вот уже четверть

часа шла выволочка Лёшки от его высокого куратора, и возразить ему тут было нечего — егеря от долгого безделья, что называется, «расслабились». Успели они пару раз подраться с пехотинцами Выборгского полка, и капрал их, как дословно сказал Генрих Фридрихович, уже третий день из предназначенной ему для постоя избы на улицу не выходит, видать, синей мордой перед своим плутонгом не хочет светить. Затем, по его словам, они стащили большой полог с интендантства у Муромского полка. Скрали крепкого хлебного вина из лазарета Третьего гренадёрского. Ну а потом, небось, его весь на радостях и вылакали. И опять, и это уже в третий раз подряд, — «в третий, повторяю, Егоров!» — они снова набили морду бедным унтерам всё из того же Выборгского пехотного.

Лёшка моргнул и, сбросив свой дурашливо уставной вид, посмотрел с возмущением на барона:

— Не пили мои спиртуса, ваше высокоблагородие! Трезвыми они пехоте морды начистили, когда те к месту нашего квартирования заявились. Вот ей-богу, трезвёхонькие все они как один были!

— Молчать! — рявкнул полковник. — Будешь говорить, только когда я тебе разрешу! Обнагле-ли вконец, от безделья дурью на постое маетесь?! В секреты и на кордоны вас! В караулы с комендантской ротой всех, чтобы склады и магазины армии охраняли! Так вы ведь и там всё разворуете, а с комендантскими передерётесь! Хотя куда

вам! Они же вас затопчут, как кутят, «волкодавы» хреновы! Ещё особой командой егерей называетесь, а какой-то бродячий патруль чуть ли не раздел вас на улице!

Этого наговора Лёшка уже перенести никак не мог и с откровенным возмущением уставился на его высокоблагородие, сдерживаясь только лишь потому, как помнил, что ему здесь разрешения говорить ещё пока не давали.

— Лопнешь сейчас, чего надулся, словно индюк, а, Егоров? Ну и что я, по-твоему, тут не так сказал?

— Да всё не так, Генрих Фридрихович, простите мою дерзость, но всё вы здесь неверно сказали. Разрешите всё-таки объясниться по существу?

— Ну, валяй, — кивнул барон и, присев на большой стул, закинул ногу на ногу.

— Да, первые два раза драка в расположении Выборгского полка имела место быть. Но и то затевали её не мои люди, — оправдывался с горячностью Лёшка. — Рядовой Афанасьев в сопровождении старослужащего Лужина направился в свою бывшую, третью мушкетёрскую роту Выборгского пехотного полка для того, чтобы забрать там все свои личные вещи. Просто ранее, перейдя из неё к нам, он этого сделать ну никак не успевал, ибо тогда наметилось большое дело под Вокарештами. Ну а потом мы преследовали разбитого противника до Журжи и выходили к себе обратно. И вот только теперь представился ему этот случай забрать своё. Но в бывшей

роте Афанасьева встретили, мягко говоря, не ласково. Отдавать хозяину они ничего не захотели, и даже более того, унтерский состав пехотинцев из десяти человек попытался было набить морду просителям, и только лишь егерская сноровка помогла им вовремя отступить и избежать полного поражения на чужой территории.

Вторая схватка, произошедшая опять же на территории Выборгского полка, произошла часом позже, и закончилась она уже полной победой егерей. Честь особой егерской команды была восстановлена, имущество возвращено её законному владельцу, ну а то, что пехотный капрал получил хорошо по мордасам, так нечего было ему за боевое железо хвататься, когда сам разговор на кулачках только шёл. Я вот считаю, что за дело этот дурачок получил, — уверенно продолжал доклад Егоров.

— Ну-ну, — неопределённо хмыкнул Фридрихович. — Третья, стало быть, баталия с полковой пехотой уже опосля на самой вашей территории случилась?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — кивнул Лёшка. — Видно, не стерпев горького позора поражения, третья мушкетёрская привела с собой подкрепление из других, а более всего из своих первых гренадёрских рот, что были в каждом из двух батальонах полка. Перевес теперь был явно за атакующими, гренадёры-то мужики все здоровые, и дело бы могло закончиться скверно, но тут выручило высокое умение вести дипломатические переговоры, ну и вообще договариваться.

Барабанщик команды, фурьер Гусев, выйдя перед двумя противоборствующими сторонами, разъяснил всем присутствующим все тонкости завязавшегося конфликта и показал, что пришедшие на чужую войну гренадёры могут теперь перед всей доблестной русской армией выглядеть, мягко говоря, в очень плохом свете. И вполне возможно, что им даже будет в дальнейшем отказано в высоком гостеприимстве и во всех других подразделениях этой справедливой и сплочённой русской армии. А как выход из всего этого скользкого дела он предложил им всё решить прямо тут же на кулачках и, как это традиционно водится на Руси, честно: один на один, два на два, три на три, ну и так далее, как только самой душе будет угодно. Гренадёрское подкрепление третьей мушкетёрской роты сочло эти доводы весьма убедительными, и всё дальнейшее «общение» происходило потом на недалёком егерском полигоне возле озера. Особая команда егерей отшлифовала полученные ими ранее навыки рукопашного боя, ну а мушкетёры приобрели здесь для себя много нового, что потом им всенепременнейше пригодится в предстоящих схватках с настоящим противником нашей империи.

За дверью комнаты кто-то громко фыркнул, и барон, резко обернувшись, запустил в образовавшуюся дверную щель тяжёлое пресс-папье со стола.

— Два капрала, помимо того, про которого я уже ранее говорил, и ещё один унтер не могут исполнять свои служебные обязанности после

этих вот ваших «высоких переговоров»! Тебе не кажется, Егоров, что вы слишком далеко зашли в этой своей сваре с выборгцами? Ну что, подпоручик, как сам-то ты думаешь?! Вот рапорт их командира, полковника Думашева, в котором он прямо указывает на тебя как на зачинщика всей этой ссоры, подрывающей боеспособность всего подразделения нашей армии. Ведь именно с тебя-то, Алексей, весь этот конфликт там и пошёл, когда ты своего земляка из-под палок вытащил, а потом его и к себе в команду перевёл. Попутно же, кстати, запугав и унизив обер-офицера третьей мушкетёрской роты Мутьева Семёна. Подпоручик в срочном порядке был вынужден перевестись во вторую армию князя Долгорукова, не дожидаясь твоего возвращения из последнего вашего выхода. Ну, это ещё ладно, там он и сам был, похоже, не прав, когда завязывался ваш конфликт, и тому есть, кстати, видаки. Но почему ты не погасил его, когда он уже перекинулся позже на твоих подчинённых? Я вот этого сейчас не могу уразуметь! А уж про полог Муромцев и про спиртус от врачей, тут я и вовсе ничего не понимаю! Твои егеря что, уже и красть военное имущество начали?!

— Никак нет, ваше высокоблагородие! — аж задохнулся от возмущения Лёшка. — Полог мы не крали, у нас вон свои нашиты из тех ста целковых, что вы нам давеча дали для подготовки особого задания на Журжи. Не мои это, слово даю, Генрих Фридрихович, что не мои! А спирт да, спиртус брали, но только со спросом, просто

я не хотел вам сразу говорить, чтобы этих лекарей не подвести. Но коли вы уже и сами всё знаете, так поясню, что выменяли мы его за два карабина беслы, из тех, что захватили в последнем деле у выбитых всадников возле Дуная. Тот спиртус нам на дело был нужен. У каждого капрала и унтер-офицера моей команды помимо фляги для воды есть и особая небольшая фляжка с настоем из тысячелистника, коим они пользуют своих раненых на поле боя. Ни одна мерка не ушла из того спиртуса на постыдную пьянку, в том я сам вас твёрдо заверяю, ибо лично под сургуч запечатывал все сии фляги для своего же спокойствия. У рядовых егерей в ранцах и походных мешках сухой порошок из целебных трав есть, и каждый из них знает, как им пользоваться и как им обрабатывать раны. У меня, господин полковник, ни один человек за всё время от санитарных потерь из команды не списан, а все выбывшие либо по увечью, либо после героической гибели на поле боя, — и коснувшись большой темы, подпоручик, насупившись, замолчал.

— Ладно, ладно, — смягчился главный картограф, — знаю я всё. Жалобу Думашева я заволочил, у меня она здесь под сукном и останется и далее уже никуда не пойдёт. С мушкетёрами вы миритесь и более уже со своими не воюйте. И займи ты своих архаровцев делами посильней. Я всё понимаю и разделяю твоё горе, Алексей, ведь ты же для меня не чужой. Знаю, что ты за последние месяцы многих самых близких своих людей потерял. Но нужно жить дальше, нужно

бороться и воевать. У тебя вон за спиной почти что четыре десятка солдатских душ стоит, а дай срок, так и гораздо более этого ещё будет. Война, Егоров, не кончилась, а только разгорается, и матушке императрице будут нужны верные солдаты и офицеры, которые смогут поставить в ней точку. Заметь, подпоручик, — победную точку!

— Да я всё понимаю, господин полковник, — вздохнул Алексей. — Я в полном порядке, да и команда уже четвертые сутки с себя дурь сбрасывает. С полигонов и с плаца вон не вылезаем, чтобы опять нужную форму и боевую сноровку побыстрее набрать. Нам бы дело какое, а, ваше высокоблагородие? Оно ведь всегда боевые подразделения сплачивает.

Барон встал со стула и подошёл к расстеленной у него на столе карте.

— Дело ему подавай! Ишь ты! Может, целную операцию или баталию для вас специально затеять? Осень с зимой борется, Егоров! Сам понимаешь, пока весной все дороги не просохнут, тут в Валахии войскам никакого пути нет. До апреля месяца армия точно на зимних квартирах теперь осела. Но что-нибудь мы тут придумаем, может, какой-нибудь небольшой выход, чтобы прощупать турок на их восточном берегу, вам всё же и выпадет вскоре. Ты вон давай, с людьми своими занимайся, навыки свои особые оттачивай. Сам же вот мне, ещё когда создавалась эта команда, обещал, что за вас краснеть ни за что не придётся, — и он выложил перед собой на стол